

Foto: © Rodrigo Fernández / Wikimedia

ВОСПОМИНАНИЯ О ЕВГЕНИИ ЕВТУШЕНКО

«Если будет Россия, значит, буду и я»

В ЭТОМ ГОДУ ИСПОЛНИЛОСЬ БЫ 88 ЛЕТ МОЕМУ ВЕЛИКОМУ ДРУГУ И КОЛЛЕГЕ (ОН БЫЛ ПРОФЕССОРОМ УНИВЕРСИТЕТА В ТАЛСЕ) ЕВГЕНИЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ЕВТУШЕНКО. ОН ЯВЛЯЛСЯ ОДНИМ ИЗ СИМВОЛОВ МОЕЙ МОЛОДОСТИ.

Я вспоминаю шестидесятые, когда мы, студенты, бегая в Политех или на Маяковку на Евтушенко или Вознесенского, мечтали о том, что на деньгах будет изображен не Ленин, а наши кумиры:

*И зайдя в ресторан иль в столовую,
В магазинах знакомясь с расценками,
Мы достанем сафроновку новую
Или будем звенеть евтушенками.*

Я познакомился с Евгением Александровичем в 2006 году, когда проводил мастер-класс для учителей русского языка в Талсе (Оклахома), а его

жена Мария Владимировна – учитель русского языка – была на этом мероприятии и пригласила меня к ним в гости: «Приходите, Женя будет рад».

Моему волнению не было предела: я встречусь с самим Евтушенко!

Так мы познакомились и ежегодно виделись в Москве, в Политехе, с которым Евгений Александрович подписал договор о том, что все дни рождения он будет выступать там. А еще мы регулярно перезванивались.

Как мне не хватает этих долгих телефонных разговоров с Талсой и его предложения: «Только из печки, хо-

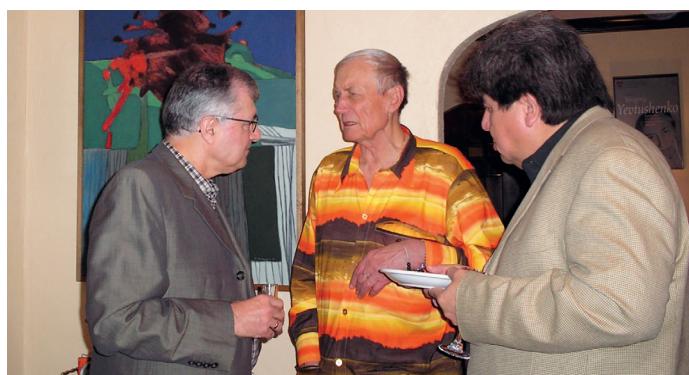
тите послушать?» И мне посчастливилось быть первым слушателем его новых стихов. А однажды, прочитав стихотворение, он сказал: «Мне кажется, что это не Евтушенко. Как Вы думаете?», в чём я его, конечно, переубедил.

Как-то я был у него в гостях в Талсе и присутствовал на его лекции в переполненном зале местного университета (он читал лекции по теме «Русская поэзия и фильм»; в этот день – о ленте, в которой он был режиссером, сценаристом и актером – «Похороны Сталина»). После нее ко

▼ На лекции в Университете Талсы

▼ В гостях в Талсе

мне подошел декан факультета: «Вы друг профессора Евтушенко. Поговорите с ним, чтобы он не привлекал так много студентов, потому что из предлагаемых шести спецкурсов все выбирают его, а остальные преподаватели остаются без работы». Я ответил, что говорить об этом не могу, а студенты вправе сами выбирать преподавателя. После лекции студенты задавали мне многочисленные вопросы о России.

В 2007 году мы пригласили Евгения Евтушенко на международный конгресс МАПРЯЛ в Варну, к которому он специально написал стихотворение о русском языке:

ЯЗЫК МОЙ РУССКИЙ

Лингвистика – ты мысль и чувство,
одна из нравственных основ.
Как нет искусства для искусства,
так нет на свете слов для слов.

Лингвисты, вы средь злобных кликов
и овраждения идей –
усыновители языков
и побратимы людей.

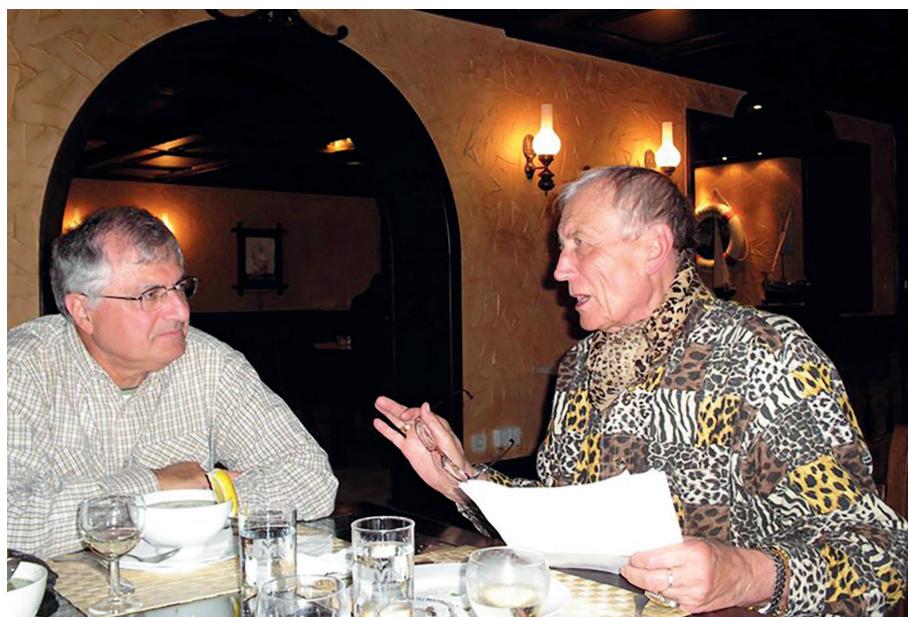
Русь подтвердила свое право
жить, не склоняя головы,
словарным вкладом Святослава,
сказавшего: «Иду на вы!»

И парижаночкам с присвистом
казаки, ус крутя хитро,
кричали со стремян: «Эй, быстро!» –
вот как произошло «бистро».

Негоже хвастаться спесиво,
но атеистам на Руси
и тем пришлось бурчать: «Спасибо»,
забыв, что это: «Бог спаси»...

Звучал у Пушкина так дивно,
язык наш корчится в тоске,
когда пошлият богопротивно
на нем, на русском языке.

Язык, наши вечный воскреситель,
не даст он правды избегать.

▲ В Переделкино

На языке таком красивом
так некрасиво людям лгать.

Как бы неправда ни крестилась,
на ней не вижу я креста.
Есть пропасть между слов – «красивость»
и «подлинная красота».

В сугробах гибли доходяги,
а вот Исаевич не зря
слова, забытые в ГУЛАГе,
выписывал из словаря.

Без словарей нам нет дороги,
не победить ни смерть, ни страх.
Со словарем нет безнадеги –
надежды скрыты в словарях.

Язык мой русский, снежно хрусткий,
в тебе колокола, сверчки
и поскрип квашеной капустки,
где алых клюковок зрачки.

Ты, и не думая зазнаться,
гостеприимный наши язык,
в себя воспринял дух всех наций
и тем по-пушкински велик.

Как страшно верить в гибель мира
и вместе с ней в кошмар конца
Гомера, Данте и Шекспира,
Флобера, Твена, Маркеса.

Европе Азия – опора.
Страх обоядный – позади.
Нельзя без Ганди и Тагора,
Акутагавы, Бо Цзюй-и.

Судьбой балканской озабочив,
моей Россией не забыт,
мне руку подал Христо Ботев
там, где когда-то был убит.

Я с Гёте, с Бёллем не расстался,
взяв у них столькое взаймы,
но я горжусь, что на Рейхстаге
по-русски расписались мы.

25–30 августа 2007 г., Варна

Он был так рад приезду и благодарен мне за приглашение (для преподавателей русского языка это было, конечно, событие; все старались поговорить и сфотографироваться с великим мэтром). А я был рад, что он принял участие в моем круглом столе по диалогу культур.

А когда мы потом сидели в ресторанчике на берегу моря, наклоняясь ко мне, он сказал: «А вот экспромт, профессор:

Пройтись бы мне по Тверской или,
скажем, Невским

С таким дорогим для меня Бердичевским».

Очень жалею, конечно, что не попросил его тогда написать это от руки.

Время Евтушенко не прошло, оно только сегодня начинается в другом измерении. Стадионы, конечно, не вернутся, да они и не нужны. Но будут ли поэтические вечера собирать легендарный зал Политехнического, крупные залы в других городах страны, или поэты по-нынешнему будут выступать в небольших аудиториях друг перед другом – вот в чем вопрос. Евгений Александрович Евтушенко страстно хотел первого, ибо русскую поэзию в целом он любил гораздо больше, чем себя в поэзии: «Поэт в России – большие, чем поэт».

После его смерти нередко приходилось встречать на ТВ и особенно в «Фейсбуке» фразу: «в начале 90-х Евтушенко эмигрировал». Но я ни одной минуты не считал и не считаю его «эмгрантом», как и он не считал эмигрантом себя и очень сердился, когда его так называли. Ну давайте тогда и Тургенева, прожившего основную часть жизни во Франции, тоже считать эмигрантом!

Люди, близко знавшие Евтушенко, понимали, что вся его жизнь обращена к России; он жил нашими новостями, болел нашими проблемами, волновался тем, что волновало нас.

Кто-то назвал Евгения Евтушенко «псевдонимом времени», поэтому теперь «Евтушенко» может быть не только именем собственным, но и именем нарицательным – «евтушенко». И можно теперь в «евтушенко», наверное, измерять поэзию: «эти стихи – 2 евтушенко, а эти – 5». Измеряют же силу тока в амперах.

А похоронен он в месте светлом, радостном, поэтическом. Три пастернаковские сосны и могила Бориса Леонидовича (это была последняя воля Евгения Александровича: похоронить его в Переделкино, рядом с Борисом Пастернаком); впереди –

две березки и могила Виктора Бокова; сзади неподалеку покоятся Арсений Тарковский, Семен Липкин, Инна Лиснянская, Николай Панченко; чуть поближе к роднику и речке Сетунь – Роберт Рождественский, Александр Межиров, Юрий Давыдов, Юрий Калякин, Михаил Алексеев, Борис Примеров, Татьяна Глушкина.

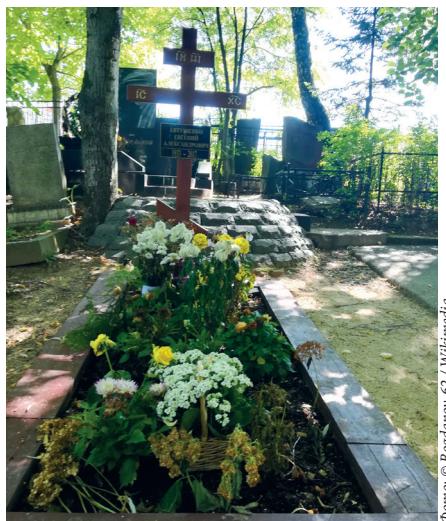
Впервые 18 июля не смог поклониться ему в Переделкино и встретиться с Машей и друзьями мэтра, но поднял бокал в память о великом поэте.

Позволю себе напомнить всеми любимое и широко известное стихотворение-песню, а точнее гимн любви к РОССИИ поэта Евтушенко, которое кто-то даже предложил объявить государственным гимном нашей страны:

ИДУТ БЕЛЫЕ СНЕГИ

*Идут белые снеги,
как по нитке скользя...
Жить и жить бы на свете,
но, наверно, нельзя.
Чьи-то души бесследно,
растворяясь вдали,
словно белые снеги,
идут в небо с земли.
Идут белые снеги...
И я тоже уйду.*

▼**Могила Е. Евтушенко на Переделкинском кладбище**

*Не печалюсь о смерти
и бессмертья не жду.
Я не верю в чудо,
я не снег, не звезда,
и я большие не буду
никогда, никогда.
И я думаю, грешный,
ну, а кем же я был,
что я в жизни поспешной
больше жизни любил?*

*А любил я Россию
всю кровью, хребтом –
ее реки в разливе
и когда подо льдом,
дух ее пятистенок,
дух ее сосняков,
ее Пушкина, Стеньку
и ее стариков.*

*Если было несладко,
я нешибко тужил.
Пусть я прожил нескладно,
для России я жил.*

*И надеждою маюсь
(полный тайных тревог),
что хоть малую малость
я России помог.*

*Пусть она позабудет
про меня без труда,
только пусть она будет,
навсегда, навсегда.*

*Идут белые снеги,
как во все времена,
как при Пушкине, Стеньке
и как после меня.*

*Идут снеги большие,
аж до боли светлы,
и мои, и чужие
заметая следы.
Быть бессмертным не в силе,
но надежда моя:
если будет Россия,
значит, буду и я.*

1965 г.

Сейчас в память о великом мэтре мы с Марией Евтушенко работаем над пособием по обучению русскому языку как иностранному «Русская история и культура по произведениям Евгения Евтушенко».

А. Л. Бердичевский, г. Вена